

СУБЪЕКТ ПОЗНАНИЯ КАК КРИТЕРИЙ ДЕМАРКАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО МИФА И ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Рассматриваются проблемы, связанные с демаркацией научного и вненаучного знания. Предлагается поиск критериев путем выделения отдельных областей знания, имеющих сопредельные территории. В данном случае – это историческая наука и исторический миф. В качестве критерия демаркации исторической науки и исторического мифа выступает субъект исторического познания, так как вопрос о том, кто участвует в процессе познания, что он ждет и что получает от него, очень важен на пути к решению проблемы демаркации.

Ключевые слова: историческая наука; исторический миф; демаркация; субъект; автор; интерпретатор; мифотворец.

Попытки освободить научное знание от мифообразований, идеологических наслоений и др., или, другими словами, решить проблему демаркации научного и вненаучного знания предпринимаются философами с давних времен. Эти попытки осуществлялись в виде поисков критериев науки; поисков критериев вненаучного знания; выделения философии в качестве пограничной зоны между научным и вненаучным знанием; проведения линии демаркации в сфере вненаучного знания; выделения особенностей отдельных наук. Но эти попытки не увенчались полным успехом. Особенно это актуально в сфере социально-гуманитарных наук, которая характеризуется отсутствием единой парадигмы. Поэтому можно предположить, что поиски критериев должны осуществляться путем выделения отдельных областей научного и вненаучного знания, имеющих сопредельные территории. В данном случае это историческая наука и исторический миф. Кроме того, осуществляя поиски критериев демаркации, исследователи устремляли свой взгляд более всего на объект науки, особенности познания и др., но в тени оставались характеристики субъекта. На наш взгляд, вопрос о том, кто участвует в процессе познания, что он ждет и что получает от него, очень важен на пути к решению проблемы демаркации.

Предпринимая попытки выделения специфики субъекта исторической науки и исторического мифа, невозможно обойти вопрос объекта исторического познания, отличающегося большой сложностью (включает ряд элементов) и парадоксальностью, так как он признается в некотором роде «несуществующим». В качестве исторической реальности предстает прошлое общества в его развитии и изменении. На протяжении истории мысли объект исторической науки предстал как действительная связь событий, происходивших в обществе; совокупность следов прошлого, существующих в настоящем; история мысли; исторический процесс в целом и т.д. Каждое из этих представлений не является полным, но их совокупность, на наш взгляд, может охарактеризовать объект исторической науки.

Взаимосвязь субъекта и объекта исторической науки может быть охарактеризована как антиномичная: с одной стороны, субъект включается в объект познания, с другой – субъект и объект познания пребывают в различных реальностях.

Объект гуманитарного знания, в том числе и исторической науки, носит преимущественно идеальный характер, и контакт с ним может осуществляться лишь

в случае «материализации» объекта. В качестве материализации выступает текст, признающийся непосредственным предметом исторического познания. Поэтому одна из классификаций субъекта исторического познания основывается как на его «месте» во времени, так и на типе исторического текста (как информационной системы), и на «отношении» субъекта с этой системой (с каким текстом имеет дело историк).

«Историческим» текстом считается то, посредством чего осуществляется связь с социальной реальностью: кроме письменных источников, документов, писем, хроник, летописей, мемуаров и пр., текстом признаются археологические материалы, человеческие поступки (в качестве потенциальных текстов). Исторический текст – это, во-первых, фиксация определенного опыта, во-вторых – результат деятельности историка.

Если рассматривать субъект исторической науки по отношению к тексту, то выделяются автор и интерпретатор.

Автор – это активный творец, создатель текста. Он вкладывает в произведение свои цели, замысел, ценности и способы их реализации, поэтому автор может выступать в качестве объекта исследования. В. Дильтей полагал, что воссоздать прошедшее можно лишь при условии правильной интерпретации текста источников, а для этого важно понять психологию автора, его мотивы, менталитет, образ жизни и мысли. Необходимо заметить, что положение автора и интерпретатора условно. Автор может быть признан интерпретатором, и наоборот.

Следующая классификация может быть основана на типах исторических текстов. Первый – это «историк-очевидец», который является, с одной стороны, автором письменного текста, с другой – интерпретатором событий. Если следовать представлениям Ранке и его последователей, историк-очевидец – это тот, кто предоставляет «историю как таковую». Но как показали дальнейшие исследования, это далеко не так. Он не может дать объективную оценку, во-первых, потому что то, что он описывает, так или иначе касается его самого; во-вторых, каждый человек составляет идеальный образ своего времени – каким бы историк (очевидец) хотел его видеть. По словам Л. Дильтея, описывая события, очевидец всегда высказывается о ценностях. Доказательством этого может быть то, что часто свидетели одних и тех же событий описывают их по-разному, выявляя наиболее важное для них, и, следовательно, по-разному интерпретируют. В-третьих, как отмечает ряд исследователей, сведения любых очевидцев не могут отличаться слишком большой полнотой и точностью еще и потому, что современники или ближайшие

потомки не способны дать полноценную и всестороннюю характеристику событий или состояния общества в целом, так как человек вообще способен видеть непосредственно лишь один аспект действительности. Историки, работающие с источниками, интерпретирующие описания очевидцев, могут увидеть события, действия людей, отдельные проявления человеческой жизни в более широком контексте, выявить предпосылки и следствия событий.

Субъекты-очевидцы, в свою очередь, могут выступать в качестве тех, кто описывает события с позиций своих установок и пристрастий, и очевидцев, стремящихся к беспристрастности или, как выразился Ю. Семенов, старающихся «сказать правду». Также очевидец может быть сторонним наблюдателем и участником событий, поэтому он является как субъектом исторического процесса, так и субъектом исторического познания. Участие может быть случайным или намеренным, продуманным. Кроме того, наблюдения могут вестись как намеренно (историк-специалист), так и «попутно, в ходе повседневной житейской деятельности» [1. С. 16], без цели осуществить научный поиск (случайный наблюдатель).

В качестве следующего субъекта научного исторического познания можно выделить археолога, который взаимодействует с археологическими источниками – вещественными следами прошлого. Археолог – в некотором роде «очевидец», но не самих событий, а «остатков» жизни человека в обществе. Если принять положение о том, что вещественные следы прошлого – это тексты, то это тексты, имеющие автора совершенно иного рода, чем авторы письменных или устных источников. В них (археологических источниках) содержатся смыслы, которые необходимо извлечь. Эти смыслы могут быть предварительными и последующими: когда археологи предпринимают раскопки, они предполагают, что могут найти. Но также бывают и случайные открытия.

Третий субъект – это интерпретатор письменных источников, как актов, так и описательных. В этом случае историк должен использовать два языка – язык своей и изучаемой эпохи. Известный российский историк А.Я. Гуревич, предостерегая от смешения понятий, используемых в настоящее время, и понятий изучаемой эпохи, пишет: «Эти два ряда не следует смешивать, но и не применять оба эти ряда. Вся проблема состоит в том, как сочетать наше, современное видение истории и культуры прошлого с видением мира и человека, присущим носителям этой культуры» [2. С. 76]. Интерпретация письменных источников связана иногда с использованием и третьего языка. Это происходит в том случае, если историк изучает историю других социальных и политических общностей, к которым он не принадлежит. Поэтому исследователь должен умело оперировать как минимум тремя языками, применяя которые он неизбежно сталкивается с проблемой перевода не только языкового, но и понятийного. Если ученый будет смотреть на «чужую» историю только с точки зрения своей истории или даже попытается механически следовать за фактами, может сложиться ситуация, подобная возникновению норманнской теории.

Четвертым субъектом предстает интерпретатор самих интерпретаций. Здесь предполагается двойная интерпретация: действий историка-автора и событий, отраженных в тексте.

Говоря о сложности исторического исследования, И. Кант полагал, что оно требует от ученого двух качеств: исторических знаний и философского склада ума [3. С. 22, 23]. Отсюда классификация субъектов по объему и глубине исследования исторической реальности.

Историк, главное дело которого – реконструкция и объяснение событий, по убеждению ряда исследователей (Р. Арона, Ч. Бирда, Р. Коллингвуда и др.), не может обойтись без философии, особенно без философии истории. Как пишет К.Х. Момджян, философия истории, кроме методологического обеспечения историографии, решает целый ряд содержательных задач, которые недоступны «чистым историкам» [4]. По словам П. Рикера, в настоящее время «способность философии создавать историю не шокирует профессионального историка, как это бывало ранее» [5. С. 53]. Но историческое познание осуществляется историками и философами по-разному, и это отмечают как философы, так и историки. Например, Р.Дж. Коллингвуд в своей работе «Идея истории» отмечает, что историка привлекает «прошлое само по себе» [6. С. 242].

Осмысление исторического процесса в целом – это уже дело философа. История как целое, целостность истории – собственный, специфический предмет философии истории. Философ исследует историю под другим углом зрения, и хотя он занимает второе место после историка, его присутствие необходимо, так как одно из значений термина «история» – процесс развития. Не только прошлое человеческого общества является объектом исследования субъекта исторического познания, но и общество в процессе развития, и именно такое значение более полно раскрывает роль философа в процессе познания истории. Для того чтобы это понять, рассмотрим те временные отношения, которые сопровождают этот процесс.

Ф. Бродель, рассматривая проблемы исторического познания, характеризуя его особенности и особенности субъекта-историка, писал: «Время липнет к его мысли, как земля к лопате садовника» [7. С. 134]. Необходимость присутствия осмысления времени в историческом познании отмечали и другие исследователи.

В своих исследованиях историк использует как счетное время (астрономическое, календарное и др.), так и историческое или, точнее, социально-историческое. Шкала счетного времени необходима для теоретического конструирования, она позволяет последовательно распределить события, проследить их логику, определить синхронность и диахронность событий. Но главным для историка является социально-историческое время – конкретное время общества, наполненное событиями. Необходимо заметить, что историк ограничен в познании истории как процесса развития общества. Он рассматривает процесс развития в большей степени в «застывшем» виде. Фокусируя свой интерес на прошлом, историк, погружаясь в исследование, забывает о времени, время для него отсутствует. Конечно, существуют мнения о том, что связь с настоящим в исследовании историка должна присутствовать, но это не является предметом его основного интереса. В этом случае осознание социально-исторического времени историком характеризуется разорванностью прошлого и настоящего, потому что он в какой-то степени «погружается» в

исследуемую эпоху. По этому поводу В.М. Межуев пишет: «Пока историки ограничивают свою задачу знанием прошлого, они, естественно, отвлекаются от развития, т.е. от соотношения прошлого с настоящим и будущим» [8. С. 83]. Настоящее может интересовать историка как следствие прошлого, если это определяется его научным интересом, и тогда прошлое может длиться до момента настоящего.

Однако нельзя не признать и аргументов, которые приводятся против такого понимания деятельности историка: во-первых, свое исследование историк начинает не с прошлого, а с настоящего, к которому принадлежит сам; во-вторых, он работает с источниками, принадлежащими прошлому, но существующими в настоящем. Таким образом, можно предположить, что, несмотря на погруженность историков в исследуемую эпоху, результаты их познавательной деятельности зависят от их убеждений и верований, которые формируются в настоящем.

Существует и другая сторона вопроса. Исследуя прошлое, историк создает реальность или «время прошлого», где есть свое настоящее (на нем сосредоточен его познавательный интерес), в котором он сам «присутствует» (назовем его настоящее прошлое). Это настоящее прошлое, являясь основой осознания «времени прошлого», предполагает «свое» прошлое и свое будущее, но завершённое. Таким образом, в историческом сознании историка присутствуют все модусы времени, заключенные в рамки объекта исследования. К тому же он «синхронизирует» исследуемое событие, соотнося его с эпохой, или, исследуя эпоху, соотносит ее осуществление для той или иной социальной структуры с положением другой во времени. Можно сказать, что историку присуща двойная временная перспектива.

Философы, в отличие от историков, не взаимодействуют напрямую с конкретными событиями истории, они используют результаты и выводы исторической науки для решения проблем смысла истории, ее цели, направленности исторического процесса и др. В философии, таким образом, история предстает в виде целостного процесса, связывающего воедино прошлое, настоящее и будущее, где будущее содержит в себе смысл и цель истории и для философа является наиболее существенной категорией. Можно сказать, что прошлое и настоящее постигается философом лишь в перспективе будущего. Как заметил К. Ясперс, «без осознания будущего вообще не может быть философского осознания истории» [9. С. 155].

Если воспользоваться классификацией исторического времени философами школы Анналов, то социально-историческое время присутствует в историческом сознании исследователя истории в основном в качестве «короткого времени», а в сознании философа – в качестве «длительного времени».

Претендует на знание о прошлом не только историческая наука, но и исторический миф. Это понятие используется не так давно, прямых определений встречается мало, и сопряженность исторического мифа с исторической наукой, его «вторичность» позволяет рассмотреть его особенности в соотношении с исторической наукой. Во-первых, особенностью можно назвать коренное противостояние реальности, представленной исторической наукой. Противостояние касается, прежде

де всего, ключевых событий истории, находящихся в более отдаленном прошлом. Во-вторых, это связь мифа с национальной традицией, направленность на возвеличивание национальной или этнической истории. Чаще всего это имеет место в кризисные для нации либо этноса времена.

Эти особенности исторического мифа влекут за собой иные, чем в исторической науке, отношения. Прежде всего, это парадоксальный характер субъект-объектных отношений исторического мифа, который выражается в том, что объектом исторической науки является реальность, данная исследователю в «следах», текстах различного рода, а объектом мифа является сам миф, так как его реальность создается. Эту особенность в качестве одного из основных свойств субъект-объектного взаимодействия выделили А.Ф. Лосев в своей работе «Диалектика мифа» [10] и Р. Барт в работе «Миф сегодня» [11]. Реальность мифа, прежде всего, основывается на достижениях исторической науки. Как пишет Р. Барт, «история в мифе испаряется, играя роль некоей идеальной прислуги: она все заранее приготавливает, приносит, раскладывает и тихо исчезает, когда приходит хозяин, которому остается лишь наслаждаться, не спрашивая, откуда взялась вся эта красота» [11. С. 124].

Также парадоксален сам субъект, восприятие мифа которым характеризуется, по определению А.Л. Топоркова, конфликтом «внешнего и внутреннего». В качестве мифа миф предстает перед тем, кто не воспринимает его как реальность, «видит несоответствие мифа реальности». Соответственно, для тех, кто приемлет миф, он выступает как реальность, познание которой ведет к истине – отражению этой реальности. Это «носитель» мифа, который «стремится воплотить его в ней; миф для него более важен и обладает большей ценностью, чем реальность» [12]. Таким образом, в первом приближении можно выделить две группы субъектов: первую группу составляют те, для кого миф выступает именно как миф, а не реальность, вторую – для кого миф – это отражение реальности, истина.

Первую группу, в свою очередь, можно разделить на три подгруппы: субъект-мифотворец, субъект – «сторонний» наблюдатель, субъект, направляющий свой познавательный интерес на миф, изучающий его. Среди субъектов-мифотворцев выделяются «невольные» и «вольные», которым свойственны, по мнению М.Ю. Неборского, добросовестные и недобросовестные заблуждения соответственно [13. С. 1]. Невольные мифотворцы чаще всего некомпетентны, недооценивают сложность исторического исследования. Но даже историк, не стремясь мифологизировать прошлое, сознательно искажать факты, в процессе адаптации результатов своего труда к определенной социокультурной среде, в которой он находится и которой его труд востребован, может невольно встать на этот путь. Как замечает Д.В. Карнаухов, «в историческом повествовании кодируются как глубоко укоренившиеся в ходе цивилизационного развития комплексы восприятия действительности, так и актуальные установки современного историку общества и культуры» [14. С. 6]. Для «невольных» мифотворцев характерно, во-первых, выборочное знакомство с источниками, основанное как на некомпетентности исследователя, так и на недоступно-

сти всех источников (утрата, закрытые архивные данные и др.); во-вторых, интерпретации, основанные на том, что любой исследователь исторического процесса – в той или иной мере «пленник своего времени».

Целью «вольных» мифотворцев, создающих «недобросовестные» заблуждения, являются, прежде всего, некие интересы, не связанные с наукой, научным исследованием. Историки при изучении прошлого осуществляют сложное исследование, направленное на выявление его «следов» и их изучение, расположение на шкале времени. Для историка-ученого важно, действительно ли тот или иной факт имел место, и они ищут подтверждение этому. Создатель мифа не заботится об этом – он использует и сами исторические источники, и материал исторических исследований, и материал предыдущих мифов, и художественное осмысление, и даже слухи. Также присутствует пренебрежительное отношение к совокупности источников: не укладывающиеся в предложенную концепцию документы отвергаются. Также при создании исторических мифов используются ложные источники (фальсификация), созданные самим мифотворцем (например, «Велесова книга»).

Ссылаясь на исторические источники, мифотворцы дают отличную от научной интерпретацию. Ложь, внесенная «вольным» мифотворцем в научное исследование, может выступать в скрытых формах (манипуляции), а также в достаточно открытых (неприкрытая ложь), когда историческая наука контролируется властью. Р. Барт пишет, что «мы перекраиваем историю в зависимости от наших идеологических потребностей и создаем соответственно коммунистическую, нацистскую, политическую, журналистскую, маркетинговую мифологию, киномифологию и др.» [15. С. 127]. «Перекраивание» истории отличается от исторического исследования тем, что вначале создаются «рамки», а потом в них «втискиваются» факты науки, т.е. в мифе осуществляется некая «обратная связь» по отношению к исторической науке: к главному выводу подбираются аргументы. Также гипотеза может выдаваться за доказанный факт, и на его основе выстраивается цепь логических следствий. В этом случае чаще всего делается ссылка не на источники, а на авторитеты.

Таким образом, те, кто намеренно создают мифы, практически никогда не ставят себе целью достижение истины через кропотливое исследование. «Появление “недобросовестных” теорий диктуется соображениями, далекими от науки, или прямо выполняет определенный политический заказ», замечает М. Неборский [13. С. 10]. Таким образом, миф может проникнуть в историческое исследование на различных этапах, начиная с фальсификации источников и оканчивая интерпретацией.

Как вольными, так и невольными мифотворцами создается другое прошлое, другая реальность. Эта реальность для общества может быть более предпочтительной, чем достижения науки. Причиной этого является то, что научное исследование (и историческое в том числе) предполагает подробный анализ, учет различных точек зрения, собственную аргументированную позицию и др. Поэтому оно не выдерживает конкуренции с мифом, который доступен, конкретен, прост, однозначен, отвечает каким-либо желаниям и устремлениям, соответствует прагматическим интересам. Мифом, по

мнению К. Леви-Стросса, преодолеваются противоречия: заменяя собой реальность, он делает мир понятным. Все роли в мифе четко распределены, все события объясняются как проявления чьей-то доброй или злой воли. Как пишет К. Юнг, «причиной всего является невидимая произвольная сила», именно поэтому «люди всегда нуждались в демонах и никогда не могли жить без богов» [16. С. 111]. Таким образом, отношения человека и общества в историческом мифе характеризуются синкретизмом, присутствует «персонификация причинности». Принцип упрощения, схематизации сложных духовных, социальных или естественно-научных явлений выделяется как одна из определяющих черт как мифа вообще, так и (преимущественно) исторического мифа представителями школы «Анналов» (Л. Февр, С. Хантингтон, Ф. Фукуяма и др.). Несмотря на то что данный субъект исторического мифа, копируя деятельность субъекта исторической науки, говорит о прошлом, на самом деле в историческом мифе центром является настоящее. Но это настоящее – не то, которое предполагает историческая наука, а то, что, по словам Ю.А. Левады, «рисуеться как адекватное настоящему; время снимается, и “сегодняшний” миф выступает извечным» [17. С. 199]. В этом случае актуализируется вся история, все события подчиняются одному вечному мифу, и они (события) призваны подтверждать его в будущем, и будущее в этом случае также представляется адекватным прошлому и настоящему.

Также настоящее представляется исключением из хода событий (хаос, упадок, гибель) и существует «благодаря вмешательству исключительных факторов – культурных героев и сил».

И, наконец, настоящее выступает результатом всех предшествующих состояний общества. То есть настоящее было predetermined, свершилось как предначиненное. Таким образом, в историческом мифе социально-историческое время искажено: настоящее «втягивает» прошлое либо будущее, желаемые модели времени «заканчиваются в вечность».

Вторая подгруппа – это не создатели мифов, а те, кто знают, что миф – это миф, воспринимают его со стороны («сторонние наблюдатели», по терминологии А.Л. Топоркова). Человек идентифицирует что-то как миф: 1) после того, как исчезает объект мифа; 2) когда он воспринимает что-то как негативное или неприемлемое для него; 3) когда вера в него пропадает. В этом случае сторонний наблюдатель отличает миф от реальности. Роль стороннего наблюдателя в отношении мифа на этом завершается.

Третья подгруппа – это те, кто изучает мифы. Они также не идентифицируют их как реальность, воспринимают их как вымысел, содержащий в себе сведения о прошлой реальности. Изучение мифа более всего связано с мифом архаическим, который гораздо легче отделяется от науки хотя бы потому, что на каком-то этапе он не конкурировал с наукой, потому что научное знание еще не оформилось. Историческому мифу первого этапа, в отличие от последующего, не требовалась забота о том, чтобы не было расхождений с уже существующей картиной мира, созданной исторической наукой, не нужно было правдоподобие. Также древний миф часто демонстрирует фантастическую картину,

которая не может в настоящее время восприниматься как реальность.

Достаточно часто в настоящее время изучение мифов переплетается и с их использованием: давно забытые архаические мифы извлекаются на свет, когда имеют место кризисы идентичности, «когда содержание прежнего этнонима или даже он сам перестают удовлетворять новым этнополитическим реалиям» [18. С. 67]. Древние мифы предоставляют широкое поле для маневров и играют важную роль для повышения этнополитического статуса, укрепления суверенитета, сплочения и т.д. Как утверждает В.А. Шнирельман, в настоящее время «этнологи ставят вопрос о формировании нового направления в науке, целью которого является изучение этнополитических мифов как неотъемлемой черты этнополитических движений» [19. С. 17].

Вторая группа субъектов исторического мифа – это, как упоминалось, те, кто воспринимает мифы, или «носители мифа». В их сознании миф предстает как реальность. Они «живут» в мифе, полагая миф реальностью, миф для них «имеет статус мировоззренческой доминанты» [20]. Они также могут изучать миф как историческую реальность. Как считает А.Л. Топорков, «для постижения психологии мифа важно не столько то, что представляет собой сам миф, сколько то, чем он является для носителя традиции» [21]. Ролан Барт в свое время сказал, что миф не может быть безотносителен к субъекту. Он всегда имеет свою адресность, «предназначенность», всегда направлен на конкретного человека или, точнее, на определенную группу. «Пример на грамматическое правило, – полагает он, – предназначен для определенной группы учащихся, концепт “французская империя” должен затронуть тот, а не иной круг

читателей; концепт точно соответствует какой-то одной функции, он определяется как тяготение к чему-то» [22. С. 84]. То есть существует воспринимающая сторона, в чьем сознании миф предстает как тождественный реальности. Он не мыслится как миф, а воспринимается как истина.

Подводя итоги, необходимо заметить, что историческое исследование в силу специфичности объекта истории, сложности предметной сферы требует особого подхода. Здесь присутствует разнообразие представлений об объекте исторического познания. Но несмотря на это, субъект в различной степени, но все-таки противопоставлен объекту. Место субъекта исторической науки, таким образом, определяется его отношением с исторической реальностью. Тогда как в историческом мифе такое противопоставление возникает только в случае, если мифологическая реальность не полагается истинной. Миф, а более всего исторический миф, характеризуется «двойным», можно сказать, противоположным отношением субъекта к объекту (к самому мифу), что невозможно при научном познании, и поэтому может явиться довольно сильным критерием демаркации исторического мифа и исторической науки.

Как историческая наука, так и исторический миф характеризуются многоуровневостью и многослойностью субъекта, но в совершенно различных ракурсах. Сложность субъекта исторической науки вызвана особенностью объекта и необходимостью глубокого проникновения в сущностные связи, а в мифе, где это не является целью, сложность субъекта связана с противостоянием внешнего и внутреннего – с восприятием мифа как реальности, с одной стороны, и как самого мифа – с другой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семенов Ю. Труд Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса «Введение в изучение истории» и современная историческая наука // Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобос. Введение в изучение истории. М., 2004. С. 3–36.
2. Гуревич А.Я. Еще несколько замечаний к дискуссии о личности и индивидуальности в истории культуры // Одиссей. Человек в истории. 1990. М., 1990.
3. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Сочинения : в 6 т. М., 1966. Т. 6.
4. Момджян К.Х. Введение в социальную философию : учеб. пособие. М. : Высш. шк. ; КД «Университет», 1997. 448 с. URL: <http://www.podelise.ru/docs/index-24849236-1.html> (дата обращения: 01.10.2012).
5. Рикер П. История и истина. М. : Алетейя, 2002.
6. Коллингвуд Р. Идея истории. Автобиография. М., 1980.
7. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность [1958] // Философия и методология истории : сб. переводов. М., 1977.
8. Межуев В.М. Культура и история. М., 1977.
9. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.
10. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Миф. Число. Сущность. М. : Мысль, 1994.
11. Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1989.
12. Топорков А.Л. Мифы и мифология XX века: традиция и современное восприятие. URL: <http://www.ruthenia.ru ›folklore/toporkov1.htm> (дата обращения: 01.10.2012).
13. Неборский М. Иван Грозный был женщиной! Как рождаются исторические мифы // Родина. 1996. № 5.
14. Карнаухов Д.В. Исторический миф как феномен интеллектуальной культуры: опыт исследований польских ученых // Мифологические исследования-2005. Новосибирск, 2005. С. 3–9.
15. Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1989.
16. Юнг К. Психология бессознательного. М., 1994.
17. Левада Ю.А. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 186–225.
18. Шнирельман В.А. Постмодернизм и исторические мифы в современной России // Вестник Омского университета. 1998. Вып. 1. С. 66–71.
19. Шнирельман В.А. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // А. Малашенко, М.Б. Олкотт (ред.). Реальность этнических мифов. М. : Гендальф, 2000.
20. Лебедев С.Д. Методология социологического исследования мифа // Соционавтика. Интернет-журнал социальных дискурс-исследований. URL: <http://www.socionavtika.net/Staty/Methodo-logos/lebedev1.htm> (дата обращения: 01.10.2012).
21. Топорков А.Л. Мифы и мифология XX века: традиция и современное восприятие. URL: <http://www.ruthenia.ru ›folklore/toporkov1.htm> (дата обращения: 01.10.2012).
22. Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1989.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 12 апреля 2013 г.